

Ирина Макарова

«НЕ-СУЩЕЕ ЕСТЬ НЕ-СУЩЕЕ»: ПРОБЛЕМА НЕБЫТИЯ У АРИСТОТЕЛЯ

Abstract. This article discusses how according to Aristotle one can understand the principle of non-being and non-existing and accordingly the possible ways of expressing it.

Keywords: Aristotle, Plato, Parmenides, non-being, non-existing, matter, potentiality, privation.

Ключевые слова: Аристотель, Платон, Парменид, небытие, не-сущее, материя, возможность, лишенность.

1

Вопрос о не-сущем и небытии не является собственной темой греческой философии, поскольку по существу своему она является философией бытия. Изначально греческая философия постулирует, что вести рассуждение можно о том, что *есть* поистине и именно оно может быть объектом правильной мысли. Отношение греческой мысли к проблеме небытия и не-сущего в концентрированном виде выражено в тезисе Парменида: бытие есть (и потому оно мыслимо), небытия нет (и потому оно не мыслимо). Парменид первым отчетливо формулирует свою позицию в отношении возможности какого-либо высказывания о не-сущем (DK fr.7,2: «Отврати свою мысль от сего пути изыскания...») и в последствии греческие философы тоже совершенно определенно обозначили свой запрет на небытие – невозможность мыслить и говорить о нем. Мелисс Самосский: «Если ничего нет, что можно сказать о нем, словно о чем-то, что есть?» (Simpl. Com.in Physicorum. 103, 15: *Εἰ μὲν μηδὲν ἔστι, περὶ τούτου τί ἂν λέγοιτο ὡς ὄντος τινός;*). Эмпедокл, Платон, Аристотель, Эпикур практически в одних и тех же словах утверждают, что «ничто не возникает из не-сущего» (Arist. Phys. 191b10: *δῆλον ὅτι καὶ τὸ ἐκ μὴ ὄντος γίγνεσθαι τοῦτο σημαίνει, τὸ ἢ μὴ ὄν*). Этот запрет стал

одним из онтологических принципов всей античной философии и обрел свою финальную и общеизвестную формулировку (*de nihilo nihil fit*) в устах Лукреция (*De rerum natura*. II, 287).

Тем не менее, введя запрет на небытие, Парменид не освобождает себя от него полностью – ни свою мысль, ни свою речь. Единственный объект правильной мысли и речи – бытие – определяется Парменидом в том числе и посредством указания на то, чем бытие *не является*, что оно *не есть*: *не делимое, не подвижное, не возникшее, не имеет нужды и пр.* При этом «то, что не есть» *есть* ни «мыслимое», ни «выразимое» (DK fr.8,8: *οὐ γὰρ φάτον οὐδὲ νοητόν ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι*).

На намеренное неразличение предикативного и онтологического значений εἶναι у Парменида обратил внимание еще Аристотель: «В самом же деле не одно и то же быть чем-то и быть вообще» (*Soph.el.*, 167a1). Именно потому что сущее имеет у Парменида одно значение, а на самом деле его значений гораздо больше, Аристотель считает позицию Парменида не совсем корректной (*Phys.*, 186a25). Но мы не будем останавливаться ни на различении предикативного, экзистенциального, онтологического и прочих смыслах «есть» у Парменида, ни на привативном смысле некоторых свойств его бытия, наша цель – рассмотреть те случаи, когда запрет высказываться о небытии в античной философии частично снимается. В «О софистических опровержениях» Аристотель говорит о такой возможности: «Не одно и то же не быть чем-то и не быть вообще (*οὐ γὰρ ταὐτὸ τὸ μὴ εἶναι τι καὶ ἀπλῶς μὴ εἶναι*). Но [людям] кажется, что это одно и то же из-за большого сходства выражения...» (167a4-7). В каком смысле (или смыслах), по мнению Аристотеля, допускается говорить о небытии и не-сущем?

2

Для начала рассмотрим вопрос, почему философия не может заниматься не-сущим? На этот вопрос Аристотель дает вполне развернутый ответ: не-сущее (*τὸ μὴ ὄν*) – это предмет мнения, а не подлинного знания, поэтому «неправильно утверждать, что оно нечто сущее, ибо мнение о нем имеется не потому, что оно есть, а потому, что его нет» (*De int.*, 21a30). Следовательно, науки о не-сущем нет и не может быть (*Met.*, 1064b30).

Аристотель поддерживает Платона в том, что «попытки проникновения» небытия в мир строгой мысли незаконны (в том

смысле, что о не-сущем можно составить лишь «незаконнорожденное умозаключение») и что инициаторами такого «беззакония» являются софисты: «Поэтому Платон был до известной степени прав, когда указывал, что не-сущее (*τὸ μὴ ὄν*) – это область софистики» (Met., 1026b15). Именно они «кажущееся» и «несущественное» преподносят в речах как истинно сущее. Но речи софистов и философия – вещи разные, в особенности того, что касается поиска истины как подлинно сущего. А потому, утверждает Платон, рассуждения о не-сущем и вообще проблематизация не-сущего как объекта мысли – занятие исключительно софистики. Софист, говорит Платон, это «подражатель действительности» (*μιμητὴς τῶν ὄντων*), «убегающий во тьму небытия» (*ὁ μὲν ἀποδιδράσκων εἰς τὴν τοῦ μὴ ὄντος σκοτεινότητά*) (Soph., 235a, 254a). Тем не менее, Аристотель следует запрету Парменида не высказываться о небытии так, как если бы оно было чем-то: «...не-сущее есть ничто. Ведь не-сущее не есть ни [определенный] предмет, ни качество, ни количество, ни место» (De gen.et corr., 318a15).

Аристотель поясняет высказывание Платона: в качестве самостоятельного сущего софисты часто рассматривают лишь какие-то его атрибуты (привходящее – *τὸ συμβεβηκός*). Сам же по себе атрибут без субстрата, который он характеризует, не существует. Поэтому обсуждение атрибута как самого по себе сущего есть на самом деле незаконное рассуждение о ничто. Между тем софисты имеют дело с привходящим. «А привходящее есть нечто близкое к не-сущему» (Met., 1026b20: *φαίνεται γὰρ τὸ συμβεβηκός ἐγγύς τι τοῦ μὴ ὄντος*). Действительно, привходящее как несамостоятельно сущее не существует с необходимостью, а может быть или не быть, т.е. является случайным (Met., 1064b35). Подлинное же знание может быть о том, что существует всегда или большей частью (Met., 1065a). Поскольку привходящим занимаются только софисты, то и софистика признается Аристотелем «мнимой мудростью» – она «со всей серьезностью рассуждает о кажущемся и не сущем: привходящем, которое только как бы существует» (Met., 1004b20-25). И хотя здесь Аристотель совершенно определенно указывает, что рассуждение о ничто не дело философии, он все же оставляет философу возможность высказываться о нем и, что немаловажно, замечает, что высказываться о не-сущем можно в нескольких смыслах (как о привходящем, случайном, сущем в возможности). Вопрос, можно ли говорить о небытии прямо, для

Аристотеля открыт, но то, что о небытии можно высказываться «по совпадению», совершенно очевидно.

3

Конечно, обращения к небытию в «несобственном» смысле не избегали философы и до Аристотеля. Иллюзорный мир Парменида, составленный из противоположностей, пустота Демокрита, «незаконнорожденный» образ материи у Платона – все упомянутые рассуждения о небытии и не-сущем как противоположном «сущему» – это один из способов «отличения» одного сущего от другого, ошибочно смешиваемых или вовсе неразличенных, и соответственно, способ постижения каждого из этих сущих в отдельности. Таким образом, изначально незаконный дискурс о не-сущем легитимируется в философии в форме рассуждения о бытии методом «от противного»: чем нечто сущее по истине *не является*. Одно сущее можно рассматривать и высказываться о нем как о небытии другого сущего или, иначе говоря, наличие (существование) одного предмета/атрибута рассматривается как *отрицание* того, что другой предмет/атрибут существует здесь и сейчас. Небытие впускается в сферу языка *инструментально* – как отрицание, как способ выразить несогласие с ситуацией. Таким образом, посредством отрицания (утверждения небытия *чего-то* или *чем-то*) устанавливается возможность утверждать бытие. В этом смысле трудно не согласиться с А. Ахутиным, что небытие в смысле отрицания или отличия «не затрагивает бытие, оно – то, что отделяет одно от другого, – и только оно – и есть небытие, как бы допущенное в бытие»¹.

Далее, в сфере языка как синонимы небытия (не-сущего) можно рассматривать заблуждение и ложь, и видеть в этом опять же возможность высказываться о не-сущем в *некотором* (а не абсолютном) смысле. Действительно, согласно Платону, заблуждаться, значит, высказывать «мнение о не-сущем» (Soph., 240d: τὰ μὴ ὄντα δοξάζειν τὴν ψευδῆ δόξαν) или говорить «ничто» (Soph., 235b5: μηδέν). Но сам факт заблуждения все же указывает, что *существует* нечто иное. Такое сущее, понимаемое как *отличное* от мнимо сущего (ложного), может составлять с ложным пару противоположностей («сущее–не-сущее»), но противоположностей все же включенных в единое поле бытия. Именно поэтому высказывание о них возможно. В строгом же смысле бытию ничто не проти-

¹ Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. С. 600.

воположно, равно как и небытие не имеет никакого отношения к бытию и мысли.

Возвратимся к Аристотелевской критике Парменида. Здесь следует обратить внимание на то, что Аристотель не только различает разные смыслы и значения сущего и не-сущего. Об этом мы поговорим подробнее чуть позже. Аристотель покушается на другой онтологический принцип Парменида – о тождестве бытия и мышления. Сущее (в смысле истинного) и не-сущее (в смысле ложного) суть состояния мысли, а не реальное положение вещей: *τὸ δὲ ὡς ἀληθὲς ὄν, καὶ μὴ ὄν ὡς ψεῦδος, ἐπεὶδὴ παρὰ σύνθεσιν ἔστι καὶ διαίρεσιν (Met., 1027b15-20) или οὐ γὰρ ἔστι τὸ ψεῦδος καὶ τὸ ἀληθὲς ἐν τοῖς πράγμασιν... ἀλλ' ἐν διανοίᾳ (Met., 1027b25)*. Следовательно, бытие и мысль не являются абсолютно тождественными «предметами». Аристотель приписывает мысли *инструментальный* характер: «мысль – то, посредством чего доказывают, что что-либо существует или не существует» (Poet., 1450b10: *διάνοια δὲ ἐν οἷς ἀποδεικνύουσί τι ὡς ἔστιν ἢ ὡς οὐκ ἔστιν*). Мысль способна выражать не-сущее как нечто сущее в *привативном* смысле: в мысли существует нечто, что не соответствует реально сущему, т.е. имеет место заблуждение. Такое проникновение «небытия» в мысль, пожалуй, единственный способ оправдать существование заблуждения и нашей возможности совершить ошибку.

Но Б. Кассен обращает внимание еще на одно следствие этого «растождествления» мысли и бытия у Аристотеля, позволяющее нам *правдиво* рассуждать о вещах несуществующих (например, козлооленях и пр.)². Аристотель утверждает, что говорить нечто – это, в первую очередь, не утверждать бытие чего-то, но *означить* нечто, выразить (хотя бы приблизительно) смысл³. Не «мыслить и быть», но «говорить и означать» есть «одно и то же». Однако слово (или название, *ὄνομα*) – то, во что облекается наша мысль, – не всегда передает всю полноту бытия выражаемой вещи (*λόγος*),

² Кассен Б. Эффект софистики. М., 2000. С. 36–38.

³ Met.: «Исходная точка ⟨...⟩ состоит не в том, чтобы требовать [от противника] признать, что нечто или существует, или не существует... а в том, чтобы сказанное им хоть что-то означало и для него, и для другого» (1006a20). Там же: «...невозможно что-либо мыслить, если не мыслят что-то одно; а если мыслить что-то одно возможно, то для него можно будет подобрать одно имя.... Слово ⟨...⟩ что-то обозначает, и при том что-то одно» (1006b10-12).

а лишь указывает на некий (более общий) смысл, относимый к вполне конкретной вещи. Это несовершенство человеческой речи в той или иной степени отмечали и Гераклит, и софисты, и Платон. Собственно, имея в виду этот зазор между бытием и мыслью, выражающей себя в речи, Аристотель и проводит различие между двумя способами бытия (и соответственно двумя типами высказывания) – «быть чем-то по имени» (номинально, *κατὰ τοῦνομα*, *ὀμωνύμως*)⁴ и «быть чем-то по сути» (*κατὰ τὸν λόγον*)⁵. Аристотель говорит, что не *определённым* словом обусловлено специфическое существование определённого предмета, но сам предмет, проявляя себя *определённым образом*, предполагает адекватное себе выражение. Только при выполнении этого условия возможно соответствие говоримого существующему, т.е. истина: «Ты бледен не потому, что мы поистине полагаем, что ты бледен... именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду» (Met., 1051a35-1051b5). Однако указанное выше неполное совпадение бытия и мысли, выражаемой в речи, предоставляет Аристотелю возможность впервые законно говорить о не-сущем. У Аристотеля, отмечает Кассен, «в языке допускается возможность говорить без денотата», а благодаря этому и выстраивать целые параллельные миры, «где в истинных высказываниях небытию и небытиям приписываются несуществующие предикаты – не предикаты, как у Платона, лжи, которая есть, но предикаты истины, которой нет»⁶.

4

Итак, говорить о небытии как таковом, то есть как о чем-то конкретно сущем в действительности, нельзя. Однако, как мы уже упоминали выше, допустить речь о нем, а следовательно, до известной степени «допустить его в бытие», вполне возможно, если считать небытием или сущее в возможности, или привходящее, или случайное. Аристотель, упомянув о многозначности «не-сущего»/«небытия», последовательно перебирает все возможные смыслы «допустимого» не-сущего. Но прежде, чем мы попытаемся

⁴ Согласно Аристотелю, уже на этом уровне мы вводим в свой дискурс небытие, ибо сущее «по имени» есть привходящее (Met., 1026b13: «ведь привходящее есть как бы наименование»), а привходящее есть «как бы не-сущее» (Ibid., 1026b15).

⁵ De an., 412b10-15. Cat., 2a21.

⁶ Кассен Б. Там же. С. 38.

собрать воедино все варианты высказывания о не-сущем у Аристотеля, нам следует ответить на один вопрос: почему Аристотель, совершенно однозначно указав, что дискурс о не-сущем – не дело философии, тем не менее, о нем высказывается и даже предлагает свою классификацию того, что нет?

Дело в том, что Аристотель классифицирует даже не то, чего нет, а различает, какими способами и в каком отношении можно говорить о том, чего нет. Иными словами, он обращается к мысли, к рациональной структуре языка как инструментам достижения истины, способам отрицания⁷ и выражения истинного и ложного, и сущего и не-сущего. Мысль и язык, в которой она себя выражает, Аристотель относит к логике, которая, как мы помним, у Аристотеля находится за пределами философии. Поэтому Аристотель не противоречит себе, когда говорит о возможном исследовании ничто и не-сущего. Таким образом, не-сущее – не только предмет софистики, но и логики. Оно (вернее, способы высказывания о нем) подлежит исследованию, но при строгом соблюдении постулата аристотелевской логики. Последний звучит как коррекция парменидовского тезиса о запрете мыслить не-сущее: нельзя мыслить небытие в одно и то же время с бытием и в одном и том же отношении (*Met.*, 1006a30: *πρῶτον μὲν οὖν δῆλον ὡς τοῦτο γ' αὐτὸ ἀληθές, ὅτι σημαίνει τὸ ὄνομα τὸ εἶναι ἢ μὴ εἶναι τοδί, ὥστ' οὐκ ἂν πᾶν οὕτως καὶ οὐχ οὕτως ἔχοι*)⁸. В остальном же рассуждение о небытии и не-сущем возможно.

Итак, не-сущее может быть предметом мысли, но воспринимать его исключительно как ложное было бы для Аристотеля непростибельным упрощением. Не-сущее как предмет мысли – *πολισεμично* (многозначно) и говорить о нем можно по-разному: «о несущем говорится в нескольких значениях»: *τὸ μὴ ὄν λέγεται πλεοναχῶς* (*Met.*, 1067b25)⁹.

⁷ Детальный анализ четырех типов отрицания у Аристотеля (противоположность, противоречие, лишенность и соотношение) дан в статье: Магун А. «De negatione: Что значит сказать «нет»? // *Stasis*. 2013. № 1. С. 63–65.

⁸ «Прежде всего, таким образом, ясно, что верно по крайней мере то, что слово «быть» или слово «не быть» обозначает нечто определенное, следовательно, не может что-либо [в одно и то же время] обстоять так и не так» (*Met.*, 1006a30). Там же (1006b18): «...не может быть одно и то же быть и не быть [в одно и то же время]». Также см. «Физику»: «Мы не отрицаем того положения, что все или существует или не существует» (191b25).

⁹ См. также: *Met.*, 1003a30, 1067b25; *Phys.*, 225a20.

Вернемся вновь ненадолго к аристотелевской критике Парменида. Аристотель упрекает Парменида за то, что тот намеренно не различает «быть вообще» (бытие само по себе) и «быть чем-то», а реальную энергию бытия делает исключительно содержанием мысли, что исключает из сущего множество вполне себе реальных вещей. «Неправильно полагать, что если сущее обозначает единое (как говорил Парменид. – *И.М.*) и противоречащее этому суждение одновременно невозможно, то не будет ничего не-сущего» (*Phys.*, 185a5). Аристотель заключает, что ошибка Парменида в том, «что он понимает “сущее” однозначно, тогда как оно имеет несколько значений» (*Phys.*, 186a25). Здесь мы сталкиваемся с одной из важнейших тем аристотелевской онтологии – многозначности сущего. Аристотель утверждает, что о том, что существует и как оно существует, можно говорить в разных смыслах¹⁰. Отметив это обстоятельство, Аристотель делает следующий шаг, от которого пытается удержать Парменид: о не-сущем тоже говорить можно, иной раз даже необходимо, но чтобы это было оправданно, нужно отдавать себе отчет в том, что и не-сущее многозначно, и в зависимости от контекста принимать то или иное значение не-сущего. Нет «препятствий для существования не абсолютно не-сущего, а в каком-то определенном смысле не-сущего» (*Phys.*, 187a5: *οὐθὲν γὰρ κωλύει, μὴ ἀπλῶς εἶναι, ἀλλὰ μὴ ὅν τι εἶναι τὸ μὴ ὄν*). Аристотель рассматривает несколько смыслов не-сущего и несколько вариантов высказаться о не-сущем.

5

1. В первую очередь о не-сущем можно говорить как о *ложном* (*μὴ ὄν ὡς ψευδός*), поскольку ложь (ложная речь) – «это речь ни о чем» (*Met.*, 1024b31) и потому «относится к несуществующему» (*Met.*1024b25). Однако и само ложное предполагает у Аристотеля несколько значений.

1.1. Ложное «в смысле (ошибочного) сочетания или разделения» (*Phys.*, 225a20, *Met.*,1067b25), иными словами – составление

¹⁰ Об этом работа Ф. Brentano «О многозначности сущего по Аристотелю» (1862). Русское издание, подготовленное институтом «Высшая религиозно-философская школа», вышло в 2012 г. Brentano осуществляет сопоставление четырех значений сущего: сущее в смысле истинного, сущее приводящим образом, сущее в действительности и возможности, сущее в соответствии с категориями.

ложных мнений на основании имеющихся чувственных образов, представлений и суждений о них. Причиной ложного мнения является не ощущение (оно у Аристотеля всегда дает истинное и адекватное отражение действительности (De an., 427b10-15, 428a10-15)), а деятельность размышления (427b14). В этом смысле, по Аристотелю, на ложь и ошибки обречено, только существо, одаренное разумом и способное мыслить (там же 427b10-15).

1.2. «Ложное всегда». Здесь «ложное» употребляется как обозначение для абсолютно невозможного, т.е. как «противолежащее сущему вообще» (Met., 1067b25) и потому не существующее. Пример такого «не-сущего» – диагональ, «соизмеримая» стороне квадрата (Met., 1024b20).

1.3. «Ложное иногда» – еще одна возможность выразить не-сущее как несоответствующее сущему в настоящий момент: утверждение «ты сидишь» – ложно, так как в настоящий момент ты стоишь (Met., 1067b25).

1.4. Наконец, ложное можно рассматривать как несоответствующее *одному* предмету, но соответствующее (истинное) по отношению *к другому* (Met. 1024b25): например, определение окружности будет ложно по отношению к треугольнику, но останется истинным по отношению к окружности.

2. Выше мы упоминали, что Аристотель допускает сближения не-сущего с сущим привходящим образом (*τὸ συμβεβηκός*), т.е. существующего не самостоятельно, но в какой-то конкретной сущности. «Привходящее есть нечто близкое к не-сущему» (Met., 1026b20, b30; 1035a25), поскольку оно может быть или не быть, т.е. случайно по своей сути. Например, в «Категориях» (2a27) Аристотель указывает, что свойство быть белым сказывается о свойстве тела, но само тело как тело никогда не определяется через свою белизну. Таким образом, как поясняет П. Обанк, белизна тела имеет существование только по имени (номинально), это привходящее свойство (акциденция) тела, которого могло бы и не быть при стечении других обстоятельств. «Оно было бы не-сущим, если бы язык его не вытягивал «в некоторых случаях» из его небытия, чтобы приписать его здесь и сейчас... определенному человеку из плоти и крови»¹¹. Привходящее имеет существование посредством предикативного суждения о конкретном единичном су-

¹¹ *Aubenque Pierre* Le problème de l'être chez Aristote. Quadrige/PUF. 2009. P. 139.

щем: «едва высказывание прекратится, привходящее вернется к не-сущему»¹².

3. Наконец, о не-сущем, утверждает Аристотель, можно говорить как о «сущем в возможности» (*ὄν δυνατόν*). Это самая распостраненная и допустимая у него форма дискурса о небытии и сближается с не-сущим в смысле привходящего и не-сущим в смысле материи (см. ниже). Нечто пока еще *не есть*, «потому что оно не есть в действительности» (Met., 1047a30-1047b). Например, подлежащий обработке мрамор еще не есть готовая статуя, но представляет собой возможность стать статуей или иным элементом здания. Таким образом, не-сущее *есть* в смысле возможного (Met., 1067b25).

4. О не-сущем можно говорить в смысле материи (*ὕλη*): «материя может быть и не быть» (Met., 1039b30) и в этом смысле материя может рассматриваться как не-сущее «по совпадению» (Phys., 192a5). Такое понимание сближается со значением возможности (поскольку материя возможности может быть чем угодно, чем в действительности здесь и сейчас она не является). Материя как не-сущее сближается также и с понятием лишенности – абсолютного лишения формы (отсутствия актуального бытия) или же какого-то определенного свойства.

5. Не-сущее в смысле лишенности (*στέρησις*) понимается Аристотелем как отрицание самой субстанции или каких-то ее свойств. Учитывая это обстоятельство, о лишенности тоже можно говорить в нескольких смыслах.

5.1. Лишенность как не-сущее само по себе (абсолютно противоположное сущему) – отрицание самой сущности, благодаря чему «мы и о не-сущем говорим, что оно *есть* не-сущее» (Phys., 191b15, 192a5, 192a15).

5.2. Лишенность как противоположное тому, что присуще субстанции, и его отрицание. Например, черное не есть белое (Met., 1068a5). Стоит отметить, что о лишенности можно говорить не только негативно, но и в некотором смысле позитивно, а именно как об «обладании» неким отсутствующим свойством (например, беззубый – тот, кто *не имеет* зубов).

5.3. Лишенность как не-сущее в смысле «иног», т.е. противоположного. Такое понимание предполагает утрату или уничтожение одного состояния субстанции через переход к другому – «из-

¹² Ibid. P. 139.

меняющееся отлично от того, во что изменяется» (*De gen.et corr.*... 318b1-10). Здесь «не быть» означает быть иным, чем раньше.

5.4. Лишенность в смысле недостатка или несовершенства. Невещными в этом смысле мы называем те свойства или качества субстанции, которые должны были бы быть присущи ей по природе, но что (пока еще или вообще) не было достигнуто: «ведь не в одном и том же смысле мы назвали бы неспособными иметь потомство ребенка, мужчину или скопца» (*Met.*, 1022b25, 30. Также см.: *Phys.*, 246a15-20).

6

Нарушая запрет Парменида и впуская в свою мысль и речь «не-сущее», мы способны говорить и истину, и ложь. По Аристотелю, истина состоит в соответствии, устанавливаемом между умом и вещью, ложь – в несоответствии одного другому. Аристотель вновь указывает, что наше мышление зависит от вещей и должно, чтобы быть истинным, ими руководствоваться: «Не вещи являются отражением наших мыслей, а наши мысли уподобляются им, как слова – мыслям» (*De int.*, 16a6).

Аристотель перенаправляет наш взгляд с вопроса «что можно сказать о не-сущем» на «как можно говорить о не-сущем». О не-сущем можно говорить «в соответствии с видами категорий», т.е. некое сущее есть «не есть бледное» или «есть не-бледное». Кроме того, «как о сущем и не-сущем в возможности или действительности применительно к этим категориям и тому, что им противоположно» (например, по отношению к категории качества: бледное в возможности – румяное в возможности; бледное в действительности – румяное в действительности).

Следует иметь в виду, что, будучи предметом мысли, сущее (субстанция) и пр. категории суть имена, они что-то обозначают, но выразить, существует ли или нет нечто, соответствующее этим именам, не представляется возможным до тех пор, пока мы не введем глагол-связку «быть» (*De int.*, 16b20-25). Сам по себе глагол «быть» или «не быть» также ничего не значит (ни истины, ни лжи). Высказывание (истинное или ложное) возможно при наличии обоих указанных элементов, а потому высказывание о сущем и не-сущем возможно, по Аристотелю: «через связывание или разъединение» (1051b12-13): «быть» – значит быть связанным и составлять одно, а «не быть» – значит не быть связанным и составлять больше, чем одно». Указывая на это, Ф. Brentano отмечает, что даже

не-сущее, поскольку оно *есть* нечто не-сущее, является, таким образом, «сущим как не-сущее»¹³.

Также, на что следует обратить внимание: о не-сущем во всех указанных смыслах можно говорить лишь соотнося его с составными (сложными) сущностями, поскольку как изменяющиеся существа они постоянно «становятся», перестают быть чем-то в определенном отношении. Относительно простой сущности (божественного ума как высшей онтологической действительности) предположить ее небытия нельзя, высказать ложное суждение о ней тоже невозможно, т.к. она существует всегда. «Относительно того, что есть бытие само по себе и в действительности, нельзя ошибиться, а можно либо мыслить его, либо нет» (Met.,1051b30). Невозможность помыслить противоположное бытию самому по себе Аристотель называет незнанием и относит к нашей неспособности помыслить небытие само по себе. Именно здесь Аристотель вновь встречается с Парменидом: 1) высшая онтологическая реальность требует ее безусловного и однозначного принятия; 2) бытие и небытие как таковое не сводимы друг другу и не образуют пары противоположностей.

* * *

Итак, существует ли не-сущее, согласно Аристотелю? Да, о нем можно говорить в перечисленных выше смыслах. В этих смыслах оно рассматривается как одно из состояний нашей мысли, а потому оно может быть подвергнуто исследованию, по мнению Аристотеля, исключительно логики. Мысль и подлинное бытие не совпадают у Аристотеля, как у Парменида, поскольку мысль может быть и ложной. Не-сущее не имеет отношения к подлинной реальности, которое исследует метафизика (в этом Аристотель близок Пармениду). Метафизика (онтология) так, как понимает ее Аристотель, это наука о началах сущего, бытия самом по себе (1028a2). Не-сущее, будучи предметом мысли (здесь Аристотель отходит от Парменида), выраженное в суждении, относится, если говорить языком схоластов, не к сфере реального, но к сфере рационального бытия – к тому, что исследует логика и что используют диалектика и софистика.

¹³ Ibid. С. 51.